

НИКОЛАЙ БЕСЕДИН

БАЛТИЙСКИЙ НОКТЮРН

РАССКАЗ

Старая посуда — “Наутофон”, когда-то немецкий тральщик, а ныне плавлаборатория, — в составе АСО Балтийского флота должна была отправиться из Балтийска в Ригу. Зачем и доберётся ли до порта назначения по причине того, что уже лет двадцать не нюхала моря, околачиваясь в гавани и лишь изредка меняя причалы, это никому не было известно.

Но в планы на отпуск старшего лейтенанта Осинцева этот неожиданный каботаж “Наутофона” внёс серьёзные изменения. Первоначально он, как обычно, решил поехать к родителям в станицу Краснодарского края, где уже вовсю цвели сады и властвовали муссоны, принося тепло и смутные запахи рыбацких костров. Но вдруг всё переиначил, вспомнив о давнем намерении найти свою первую любовь — Нину Дроздову, с которой встречался семь лет тому назад, сначала в Лиенае, потом в Ленинграде, а потом... Потом было несколько писем и полное молчание Нины.

Второе или третье письмо к ней вернулось с припиской “адресат вы-был”. Он помнил, что Нина говорила о возможности перевода на работу в Ригу, и это давало надежду отыскать её там через адресное бюро.

Некоторую роль сыграло и то, что противолодочный корабль, на котором служил Осинцев, уже два года стоял у стенки, так прочно принайтованный к ней швартовыми и трапом, что казалось, никакая сила не сможет оторвать его заросшие ракушками борта от родимой земли. Военный корабль

БЕСЕДИН Николай Васильевич родился в 1934 году в Кемеровской области. Четырнадцатилетним юношей ушёл юнгой на флот. В 1956 году окончил Ломоносовское мореходное училище ВМФ, в 1963 году — Литературный институт им. Горького. Работал в Институте ядерной физики им. Курчатова, Госплане СССР. Автор 12 стихотворных сборников, лауреат премии им. Н. Заболоцкого (2002 г.). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

постепенно превращался в общежитие для офицеров-холостяков и скучающих от безделья матросов. А “Наутофон” как-никак давал возможность снова выйти в море, ощутить его вольное дыхание и могучую силу, к которым так смутно и так настойчиво тянулась душа.

Его устроили в каюту стармеха, наверно, учитывая, что он был из БЧ-5, иначе — электромеханической боевой части на своём БПК. Но едва “Наутофон” выбрался за боновые ограждения и мужественно встретил трёхбалльные волны Балтики, Осинцев покинул каюту и забрался на сигнальный мостик, блаженно улыбаясь упругому сопротивлению ветра и глухим ударам волн в левый борт судна. “Наутофон” шёл мористее берега миль на пять, не рискуя забираться в открытое море, и Осинцев, чтобы почувствовать себя в полной власти безбрежной стихии, расположился так, чтобы не видеть берега.

Вот так же семь лет назад он, курсант Высшего мореходного училища, вышел впервые в море на аварийно-спасательном океанском буксире “Руслан” во время своей первой плавательной практики. Но тогда был шторм баллов пять, и тысячадвухсотильный “Руслан” легко разрезал форштевнем пенистые валы, переваливаясь с бака на корму, а он стоял на крыле штурманского мостика, смеялся и кричал:

— Здравствуй, море!

Очень скоро кричать расхотелось, внутри, подкатывая к горлу, появилась тошнота, и он, бледный, спустился в кубрик и затих. До рвоты дело не дошло, но обедать и ужинать он отказался.

Тогда же, в одном из увольнений на берег, и произошла встреча с Ниной.

“Руслан” базировался в Лиенае, и Осинцев вместе с другими курсантами пошёл на танцы в городской клуб. Девушки в танцевальном зале стояли группами, возвращаясь после танца снова к своим подругам. Осинцев увидел её, стоящую одиноко, грустную и, кажется, более старшую, чем другие. Лицо её не было красивым, в отличие от фигуры, но в нём что-то притягивало, какая-то тайна, загадочность.

Он пригласил её на танго. Она отказалась. Следующим был вальс, и он снова подошёл к ней:

— Нельзя отказывать в вальсе, это плохая примета для девушки.

Она удивлённо подняла одну бровь, посмотрела на него и тихо спросила:

— И чем же это грозит девушке?

— Об этом я могу рассказать только во время танца с вами, — бодро и самоуверенно провозгласил Осинцев, беря её за руку.

Они танцевали легко, и также легко складывался разговор, в котором не было неловких вопросов, пошлых намёков и ни к чему-то обязывающих откровений, то есть всего того, что лишает простоты и непринуждённости разговор между незнакомыми людьми. Потом был дамский вальс, и она пригласила его, и Осинцев совсем осмелел, предложив проводить её. Нина снова приподняла одну бровь, строго посмотрела на него и сказала полушутливо:

— Нет. Мне просто нравится, как вы танцуете вальс.

...Ветер усилился. Море недолго раздумывало, что бы это значило, и ответило взлётом гребней тяжеловесных волн, тёмных в провалах и прозрачных на самом излёте. “Наутофон” закрихтел натужно и ворчливо, как старик, которому пришлось делать тяжёлую работу, и развернулся немного навстречу волнам. И всё же его стало постепенно сносить к берегу. Осинцев спустился в трюм к машинистам и быстро понял, что они ничего не могут сделать: котлы не давали рабочего давления пара, ибо давно не чистились, да и мазут был не лучшего качества. Факел то прерывался, то пронизывался тёмными полосками.

Он поднялся на штурманский мостик. Ему понравилось, как деловито, без суеты команда боролась с усилившимся штормом. Единственно, что выдавало тревогу командира, это его приказ подготовить спасательные средства.

Тогда Осинцев всё-таки проводил Нину. Жила она недалеко от клуба с матерью и младшей сестрой. Отец был из числа военных, которых посы-

лают то со спецзаданием, то для обеспечения безопасности какого-либо важного объекта.

В Лиенае они жили с 1954 года. Нина здесь и родилась, и привыкла к этому городу, но своей малой родиной его всё-таки не считала, особенно после того, как побывала в гостях у бабушки по отцу в Москве. Родители матери жили в Крославе на границе с Белоруссией и с дочерью отношений не поддерживали со дня её свадьбы с русским военным.

К 1982 году, когда Осинцев и Нина познакомились, её отца не было уже восемь лет: он умер после тяжёлых ожогов, полученных при тушении пожара.

Всё это Нина рассказала далеко не сразу. А в тот первый вечер провожание было недолгим и почти молчаливым. Прощаясь, она чуть улыбнулась и строго спросила:

— А почему вы не представились, товарищ военный?

Он пришёлкнул каблуками, поднёс ладонь к бескозырке и бойко отпортовал:

— Сергей Осинцев, курсант второго курса Высшего мореходного училища, город Ленинград!

— Вот теперь я знаю, где учат так хорошо танцевать.

Потом они встречались ещё и ещё, ходили в кино, бродили по городу, рассказывали о себе, смеялись и молчали, и только на танцы больше не пошли ни разу.

— Я не люблю танцы в клубах, там все такие молодые, — сказала однажды Нина, — и в тот раз я пошла совершенно случайно. Хотелось посмотреть, не будет ли моей сестры — семиклассницы. Нам с мамой не хотелось бы, чтобы она так рано пошла туда.

Осинцев всё больше и больше тянулся к Нине, ожидая встречи с ней нетерпеливо, с нежным беспокойством и волнением. Его жизнь наполнилась вполне определённым смыслом, который преобразил хаос будничного и второстепенного в порядок, подчинённый стремительному, как ливневый поток, чувству, и он с радостью подчинился этому смыслу. При первой возможности он уезжал в город и ожидал Нину на условленном месте, и чаще всего она приходила. Но иногда он возвращался в базу растерянный и молчаливый, мучаясь догадками, сомнениями и ревностью.

Однажды так случилось три раза подряд, и он не смог одолеть в себе тяжёлое чувство потери и нарушил обещание не приходить к её дому. Он долго ходил около подъезда, а потом и вовсе поднялся на второй этаж и наугад нажал кнопку звонка. Дверь открыл мальчик лет десяти и на вопрос Осинцева сказал, что Нина Дроздова живёт на третьем этаже в 11-й квартире. Он поднялся, но не решился позвонить. Долго стоял у лестничного окна и смотрел на улицу в надежде увидеть Нину. И вдруг услышал её голос через дверь квартиры:

— Мама, куда ты собралась? На сегодня хлеба хватит, а завтра я выхожу на работу. Меня выписали.

Осинцева словно подхватила какая-то сила, и он, радостный, сбегал по лестнице и окунулся в сутолоку города, улыбочивый и беззаботный.

...Берег неотвратимо приближался. Были уже различимы обрывистые склоны мыса, в которые бились набегающие валы и исчезали в кольшущейся, как гигантский осьминог, бледно-серой пене. “Наутофон” развернулся форштевнем в открытое море, но слабость машины и парусность надстроек сводили на нет все усилия команды.

К Осинцеву подошёл второй помощник:

— Что, старлей, небось, жалеешь, что связался с нами? Сейчас загорал бы на югах вместо того, чтобы купаться в холодной воде. Да ещё большой вопрос, вылезем ли на этот проклятый склон или на камушках разбросаем свои кости.

— А что жалеть? Сам напросился. Главное — проскочить этот мыс, — Осинцев взглядом показал на него.

— Ну, ну...

И второй помощник пошёл к шлюпкам.

...Встречи с Ниной в конце практики стали реже. “Руслан” мотался между Балтийском и Ригой, изредка возвращаясь в Лиенаю. И тогда у Осинцева был праздник. Если Нина не приходила в условленное место, он шёл к её дому и маячил перед окнами, пока она не выходила. Был конец августа, и погода после июльских ветров и дождей утихомирилась, излучая свет и покой каждым листиком и былинкой. Вода в гавани блаженно шурилась на солнце и мерцала почти неподвижной гладью.

И отношения у Сергея с Ниной были похожи на эти умиротворённые дни. Они не замечали скорого расставания, не торопя неизбежную, как казалось ему, близость. Даже поцелуи были лишены той страсти, которая ломает все барьеры и обезоруживает разум.

В начале сентября практика закончилась, и Осинцев простился с Ниной, и это прощание всей своей болью, тревогой, отчаянными порывами изменить обстоятельства каким-либо образом отомстило ему за счастливые августовские дни.

Возвращался он вместе со своей группой курсантов в Ленинград, и все радовались, что кончилась практика, что впереди отпуск, встречи с близкими, что не нужно будет ходить строем, сидеть на лекциях, вставать в семь утра и подчиняться старшинам и командирам. Но Осинцев был молчалив и печален. С дороги он написал письмо Нине и просил сразу же ответить, чтобы до отпуска получить от неё подтверждение: любит ли она его. И письмо от неё пришло в самый последний день перед отъездом в отпуск.

Потом были ещё письма, уже после отпуска, сдержанные, не заглядывающие наперёд ни на один день — от Нины, и страстные, порывистые, с обещаниями и верой в неслучайность их встречи — от Сергея.

Однажды от Нины долго не было никаких вестей, и он едва находил силы, чтобы не уехать или не улететь к ней хотя бы на минуту, чтобы узнать, что случилось. Мысли об измене не покидали его. На одной из лекций он стал писать ей очередное письмо с упрёками и обвинениями, и постепенно воображение вытеснило реальность, стерло её в зрительных и слуховых ощущениях, заменив явственными образами Нины и того, с кем она встречается и кто уносит после встречи запах её губ и воспоминание близости её тела.

Ревность перехватила его дыхание и обескровила лицо.

— Что с вами, курсант Осинцев? Вам плохо? Почему вы встали?

Он услышал, наконец, голос преподавателя и вернулся из обморочного миража. А вскорости Нина сообщила, что её направляют на курсы в Ленинград, и она даст знать, где найти её.

...Море штормило, казалось, ещё больше, подталкивая и подталкивая плохо управляемый “Наутофон” к губительному западному обрыву мыса.

По предположениям штурмана, у них осталось не больше часа, чтобы выправить ситуацию или принять меры по спасению команды. Прозвучал приказ командира собрать самое ценное и подготовиться к посадке в шлюпки.

Осинцев тупо смотрел вдаль, ни о чём не думая и не двигаясь с места. В ранних утренних разливах зари было что-то магическое, как будто небо подматривало за судьбой судёнышка, попавшего во власть водной стихии, слепой и безжалостной. В разрывы облачности на востоке проскальзывали лучи света, и там, где они касались моря, волны послушно смиряли свою неистовость.

Осинцев вдруг стал замечать, что ветер меняет направление и дует вдоль берега, нарушив движение волн к мысу.

“Наутофон” замер и затем стал медленно набирать ход, удаляясь от берега. Прошло не менее часа, прежде чем напряжённое ожидание было прервано не совсем уставным приказом командира:

— Очередной вахте заступить. Остальным рекомендую отдохнуть. Поход продолжается.

Мыс медленно сползал за корму, и берег растворился в ненастной пелене, сквозь которую ещё раз пробился луч света и приветливо подмигнул спасённому судну.

...В Ригу пришли только на третьи сутки. Осинцев сразу же отправился искать адресное бюро, хотя энтузиазм у него поубавился, да и было бы разумнее побывать ещё немного на судне, принять душ и стряхнуть окончательно нервное напряжение.

Киоскёрша адресного бюро сказала, что ответ будет через два часа, и он пошел побродить по городу, в котором был во второй раз, хотя первый приезд в Ригу ограничился шестью часами во время пересадки с одного поезда на другой.

Всё, казалось, было по-прежнему: неторопливые люди заходили в подъезды мрачных старинных зданий и обновлённых неяркой краской домов, лениво входили в магазины и деловито что-то покупали, молча стояли на троллейбусных и автобусных остановках, и всё же во всей этой неторопливости его настораживала заметная напряжённость во взглядах, в движениях, в голосах разговаривающих на незнакомом ему языке. Он замечал недобрые взгляды в свою сторону и то, как встречные обходили его, стараясь не коснуться даже одеждой.

Очень скоро ему расхотелось рассматривать город и, наскоро выпив чашку кофе в маленьком кафе, он вернулся к киоску. Киоскёрша, казалось, не замечала его. Наконец, она молча протянула квитанцию, на которой было написано:

г. Рига 9 августа 1989 г.
Дроздова Нина Алексеевна
проживает в г. Лиенае,
ул. Комьюнатнес, 14, кв. 11
Стоимость услуги — 3 руб. 15 коп.

Молча положив деньги на полочку в окошке, Осинцев отправился на автостанцию. “Странно, — подумалось ему, — почему в Лиенае?” Ведь Нина писала, что переехала в Ригу, и он тогда решил, что она вышла замуж и потому не сообщила своего адреса и перестала писать письма. Ему повезло: автобус на Лиенаю уходил через час, и в кассе оказался едва ли не последний билет.

...Это было замечательное время. Нина была раскрепощённой, весёлой и нежной. Она сняла комнату у одинокой старушки недалеко от Варшавского вокзала и в первую же субботу после приезда пригласила Сергея в ресторан.

Он попросил увольнение на два дня, и так как раньше никогда не обращался с такой просьбой, командир роты подписал увольнительную до 20.00 воскресенья.

Нина была необыкновенно красива. У каждой женщины, даже самой невзрачной, наступает однажды период цветения, когда все внутренние женские флюиды выплёскиваются наружу, зажигая глаза чарующим блеском, ложась колдовским отсветом на лицо и оттачивая до совершенства каждую линию тела. Грациозность, загадочность и какой-то гипнотический смех превращают золушку в принцессу. Природа женщины достигает высшей точки расцвета, может быть единственный раз в жизни. Потом будут ещё вёсны, но такой силы и красоты уже не достигнут.

Они пришли в ресторан, где Нина заранее заказала столик.

Осинцев заворожено смотрел на неё, веря и не веря, что это та самая Нина, с которой он встречался в Лиенае чуть больше полугода назад, и странная дрожь порой охватывала его, мысли путались, и он говорил какую-то чушь, потом извинялся и снова что-то произносил, не слыша своих слов.

Нина негромко и ободряюще смеялась, спрашивала Сергея о каких-то мелочах, охотно откликаясь на его приглашения танцевать.

В двенадцатом часу ночи они покинули ресторан, и Нина пригласила Сергея к себе.

Дальнейшее для него превратилось в одно теплое, взмывающее облако, в упругий поток блаженства, в котором он растворялся и снова обретал

плоть — страстную, горячую, ненасытную. Иногда до него доносились откуда-то слова Нины:

— Не торопись, милый! Побереги свою жену. Я вся твоя, твоя...

...Автобус остановился в небольшом городке. Осинцев с трудом вернулся из воспоминаний, из их тягостной власти и вышел из автобуса. И снова, как в Риге, неспешное передвижение людей, их отчуждённость и настороженность вызвали у него чувство недоумения и беспокойства. Он не мог понять, что изменилось здесь, в Латвии, но то, что люди, сам воздух пропитались незримым зельем отторжения прежних отношений и прежней жизни, было для него очевидно. Там, в Балтийске, живя в обособленном мире, он не очень-то верил печатной и другой информации о нарастающем напряжении в стране, но здесь понял скорее интуитивно, чем воочию, что близость крутых перемен более реальна, чем об этом говорят. И всё же он относился к этому спокойно, веря в неизбежность установленного порядка.

Автобус медленно выполз на трассу, мелькнул указатель “Лиепая 190 км”, и, откинув голову на спинку кресла, Осинцев вернулся в тот далёкий восемьдесят третий.

...После той ночи, когда он впервые узнал женщину, её неодолимую власть, и когда его любовь обрела не только душу, но и плоть, они встречались с Ниной каждую субботу и воскресенье. Ангел их любви хранил обоих от случайностей, которые могли бы помешать этим встречам. Окрылённость Сергея и сдержанность Нины соединились в прочный сплав маленького чуда слитности двух людей в этом разобщённом мире. Они бродили по музеям, ходили в театр, просто по ленинградским проспектам и закоулкам, и ему казалось, что он впервые видит этот город, его воздушность и мраморную неизбежность, простоту росчерка улиц и весёлую витиеватость дворцов. Он показывал Ленинград Нине и открывал его для себя.

Через полтора месяца Нина уезжала. Она сказала, что её могут перевести на работу в Ригу, и она хочет этого, а мать останется с младшей сестрой в Лиенае.

Он провожал её на вокзале вечером. Шёл весенний мокрый снег, вязкий и тяжёлый, усиливая и без того тревожную безысходность этого расставания.

Нина обещала писать каждую неделю. Он всё повторял и повторял, что в первый же отпуск приедет к ней, и они поженятся, но она только печально улыбалась в ответ.

— Я же старше тебя на целых четыре года. Какая я тебе жена? Ты скоро разлюбишь меня и найдёшь молодую и красивую.

Осинцев сердился, но как-то неуверенно, однако твёрдо стоял на своём: — Я никогда не разлюблю тебя.

С тяжёлым гнётом недобрых предчувствий он возвратился в училище.

Через неделю пришло письмо от Нины, короткое, сдержанное, без единственного нежного слова. Во втором письме она сообщала, что вопрос с переводом её в Ригу решён, чему она очень рада. Третье, на пол-листика, пришло через две недели со странной припиской: “Я не знаю, как устроюсь в Риге, поэтому не смогу тебе написать. Не сердись. И вспоминай иногда обо мне”. Больше писем от неё не приходило. Осинцев написал два-три по старому адресу, пока его письмо не вернулось с припиской на конверте: “Адресат выбыл”.

Тяжеловесная пустота окружила его, в которой не было опоры и не было выхода. Это состояние долго не покидало его, пока учебные и спортивные занятия, друзья и новые встречи постепенно не стали заполнять эту пустоту, но любовь к Нине продолжала жить, немая и скрытная, и ничто не могло заменить её и вытеснить из памяти. Как ни странно, но ему не приходило в голову отыскать её, попытаться навести справки о новом местожительстве. И только спустя шесть лет эта мысль со всей очевидностью простоты явилась и позвала в дорогу к его первой женщине.

...Автобус пришёл в Лиенаю вечером, когда уже начало смеркаться, и Осинцев подумал, что это ему на руку: его визит не будет бросаться в гла-

за посторонним. Вот если Нина замужем, тогда... Тогда он скажет, что ошибся квартирой, и уйдёт, и уедет...

Заволновалось, забеспокоилось сердце, когда он знакомой улицей подошёл к её дому. Помимо воли память вернула то прежнее состояние влюблённости, и ожили улица, фонарные столбы, фасады домов и их окна — всё то, что было свидетелем его мучительных ожиданий и радостных встреч.

Осинцев поднялся на третий этаж, принял озабоченный вид и позвонил в квартиру 11.

Дверь открыла Нина.

Удивлённо и строго она смотрела на него, ничего не говоря, и вдруг глаза её затеплились такой знакомой и милой улыбкой и, приподняв бровь, она спросила:

— Откуда ты взялся?

Нина провела его на кухню, ушла на целую вечность, потом вернулась, и они стали говорить, то спрашивая, то рассказывая, то вспоминая. Она приготовила ужин, к которому Сергей добавил бутылку коньяка и деликатесы, купленные ещё в Риге.

Нина рассказала, что в Риге она жила недолго, снимая комнату. Потом заболела мать, и пришлось вернуться и снова пойти на прежнюю работу химика. Два года тому назад мать умерла. Приехали её родители из Крославы и забрали с собой младшую сестру. Пусть, мол, хоть одна внучка станет настоящей латышкой.

Нина охотно выпила одну, потом другую рюмку коньяка, пытливо поглядывая на Сергея, и вдруг сказала:

— У меня есть ребёнок, сын.

Осинцев растерянно замолчал, но быстро пришёл в себя и спросил:

— Где он?

— В спальне. Спит.

— Сколько же ему лет?

— Не трудись сопоставлять. Это не твой ребёнок, — Нина обиженно отвернулась, встала и подошла к окну.

Сергей осторожно положил руки на её плечи, хотел повернуть к себе, но она воспротивилась.

— Ты не представляешь, как я был бы рад, если бы это был мой сын. Но даже если не мой, всё равно моё предложение не меняется. Я люблю тебя.

Осинцев говорил искренне, веря в свои слова, и в этот момент не существовало для него другой правды и других чувств.

Нина по-прежнему стояла у окна, и ему показалось, что она плачет. Сергей обнял её и почувствовал, что тело её вздрагивает, она качнулась, как будто искала опору, но не прильнула к нему, а ушла в комнату, потом вернулась и позвала его.

— Сыну четыре года. Он сейчас спит, будь, пожалуйста, потише.

— Как его зовут?

— Янис. Это мама настояла, чтобы он носил имя её деда. Ты останешься?

— Да. Я очень хочу этого, если ты не против.

— Хорошо, — буднично, как будто это происходило каждый день, произнесла Нина, — но только до утра. А потом ты уйдёшь. Совсем уйдёшь.

И снова Осинцев убеждал её в своих самых серьёзных намерениях, в своей любви и в бессмысленности её решения. Но ни он, ни тем более она, ни разу не заговорили об отце Яниса. Для Нины этой неясности вообще не существовало, а Сергей избегал определённости, понимая, что это потребует конкретных действий, к которым в любом их варианте он не был готов. Неопределённость позволяла ему говорить об их отношениях как бы вообще, перенося окончательное решение в будущее, в лучшие времена. И там, в тех временах, он видел себя вместе с ней.

Нина иногда как будто соглашалась с ним, и он оживал в надежде, что всё будет так, как он хочет, но что-то мешало порадоваться и отдаться этому чувству.

Они ещё не понимали, что неотвратимый ход всеохватных событий предопределил их судьбы и их отношения, подхватил, как порыв урагана, и по-

нёс по дебрям и бездорожью сквозь морок в новую реальность, где нужно будет заново строить свой маленький мирок, способный устоять и выжить. И останется ли в этой новой реальности их любовь, они не могли знать, да и не думали об этом.

Близость с Ниной на этот раз наполнилась совсем иными ощущениями, чем та, ленинградская. И телесная страсть, и нежность, и захмелевшие слова не могли заглушить в каждом из них мысли о том, что это последняя встреча и последняя близость.

Раннее утро они проспали.

Когда Сергей проснулся, он увидел, что Нина стоит у кровати сына, а он вяло хнычет и хочет спуститься на пол.

Сергей оделся и подошёл к ним. Ему не терпелось увидеть мальчика и рассмотреть его, чтобы разувериться или утвердиться в своём отцовстве.

Мальш какое-то мгновение удивлённо-вопросительно смотрел на него и потом прямо с кровати прыгнул ему на грудь и обхватил ручонками шею:

— Папа, папочка! Почему тебя долго не было? Я ждал, ждал...

Нина хотела забрать его, но ручки сына так крепко держались за шею Сергея, а тело прильнуло к нему с такой силой, что она не могла его оторвать. Из радостных глаз у него по щекам текли слёзы.

— Янис, это не твой папа, это дядя приехал, к нам в гости. Иди ко мне, сынок!

Но мальчик не хотел ничего слышать. Он всё повторял плачущим радостным голосом:

— Папочка, где ты был? Почему так долго не приходил ко мне?

Наконец, Нина решительно взяла сына и вышла с ним на кухню.

Её долго не было. Вернулась она совершенно другой, собранная, строгая, холодная...

— Ну что, убедился?

— Не знаю. Мне показалось, что в нём есть что-то похожее на меня. Но мне важно, чтобы не только он, а, главное, ты признала меня, — Сергей говорил громко, с пафосом обиженного человека, расхаживая по комнате, — может быть, ты, расскажешь о его отце? Когда и как это произошло, и куда он делся?

Нина с сожалением смотрела на Сергея и как-то безразлично и тихо обронила:

— Уже поздно. Мне нужно на работу.

Осинцев понимал, что всё уже сказано, но не оставлял попыток убедить Нину в необходимости поговорить ещё. Слишком долго они не виделись и успели отвыкнуть друг от друга. Со временем вернутся прежние чувства.

— Нет. Ничего нельзя изменить. И прошлое не возвращается. Оно где-то там живёт своей жизнью. Я тебе говорила когда-то, что я старше тебя. И ещё сын, ради которого я теперь живу. И не нужно говорить об отце. А теперь иди. Не нужно возвращаться. Никогда. И ни к кому.

И вдруг у самых дверей она обняла его, поцеловала в губы и сказала:

— Напиши мне. Ты ведь знаешь адрес. Мы будем ждать.

Осинцев вышел на улицу, и она показалась ему, с её домами, тротуарами, фонарями, какой-то безжизненной и серой. Он шёл машинально в сторону базы, где стоял когда-то “Руслан”, не осознавая этого. Он думал о Янисе, сопоставляя то, что узнал от Нины. Если бы это был его сын, то ему должно было быть пять лет, а не четыре. А если Нина обманула? Есть ли в нём схожесть с ним? На это он не мог ответить. При желании можно найти или не увидеть никакого сходства. И потом, эта её просьба: “Напиши... Мы будем ждать”. Может быть, они ещё встретятся... В следующий отпуск, а может быть и раньше, он придет к ней, и больше они не расстанутся.

Ему стало легче. Он сел на рейсовый автобус и поехал в порт. Вышел на конечной остановке и пошёл к причалам, где швартовался когда-то “Руслан” в надежде увидеть его и проститься. Порт поразил его. У причалов, где стояли когда-то матово поблескивающие шаровой краской корабли, было пусто. И только у стенки ремзавода теснились ржавые корпуса бывших сторожевиков, тральщиков и ракетных катеров. Осинцев вглядывался в это клад-

бище и вдруг увидел в самом конце стенки знакомые очертания форштевня. Подошёл ближе. “Руслан”! Но что от него осталось! Не было мачт, срезаны надстройки на спардеке, чёрные глазницы иллюминаторов мертвенно смотрели на него.

Рабочие-латыши, переговариваясь, кантовали к юту какой-то тяжёлый ящик. На полубаке работал резчик металла. С шипением змеи резак вгрызался в тело “Руслана”, кромсая его на бесформенные куски металлолома.

Осинцев смотрел на погибающий океанский буксир и видел в этом что-то недоброе и предательское, что вместе со всеми впечатлениями последних двух дней рождало в нём тревогу и безысходность. Смутное ощущение причастности ко всему, что разрушалось вокруг него, что теряло свой первоначальный смысл и волю к преодолению неблагоприятных обстоятельств, ко всему живущему непонятными ожиданиями, что всё самой собой устроится счастливым образом, не покидало его.

Какая-то неведомая сила инерции и безразличия, даже к себе, не отпустила Осинцева, подчинив его состарившуюся любовь и подавляя слабые попытки воспротивиться её воле.

Он уезжал из Лиепай, понимая, что никогда не вернётся сюда, в тот мир, который он любил и где был счастлив.